

К тому же все его слабости вывели до последнего секрета, набрав на него целую охапку компромата, тогда как сам он об этом человеке не знал ровно ничего. И стоило ли снова ввязываться в противостояние? Неужели мало ему было прошлых неудач? Впереди еще долгие дни в Императорской академии Гоцзысюэ, так что спешить некуда. Раз уж тот сам запросился, то в конце концов посмотрим, кто в итоге встанет на колени и взмолится о пощаде.

Спустя долгое время Чжуан Сюй сжал его пальцы у себя на груди и спросил:

— Ты ничего не забыл?

— Что?

— Разве ты не собирался меня поблагодарить? — Чжуан Сюй шевельнулся, устраиваясь поудобнее, и со вздохом добавил: — Ну же, благодари.

«Спасибо тебе огромное, чтоб твоим предкам до седьмого колена икалось!»

Е Мянью яростно заскрежетал зубами, готовый загрызть его на месте.

Ранним утром следующего дня слуги толпились вокруг Князя Жуннань, помогая ему одеться и подавая завтрак. Е Мянью же лежал за пологом постели и даже глаз не открывал: всю ночь ему снились кошмары, в которых за ним гонялись призраки.

Когда он снова проснулся, дело шло уже к полудню. Стоило ему сесть в постели, как дежурившие рядом слуги тут же окружили его, чтобы помочь ополоснуть рот, подняться и одеться.

Евнух Ся с улыбкой держал пиалу с отваром, помешивая его ложкой, чтобы остудить.

— Не спешите, не спешите. Вчера мы уже передали в академию, что молодому господину Е сегодня болен и не придет.

За ширмой Е Мянью обливался холодным потом. «Да разве об этом я беспокоюсь?! Мой брат прождал меня у ворот Императорской академии Гоцзысюэ целых два часа, а вы мне даже слова не сказали!»

Решив, что слуги копаются слишком долго, Е Мянью сам принялся завязывать пояс. Про себя он осыпал проклятиями этого паршивца Чжуан Сюя: его коварным уловкам не было конца, даже перед уходом ухитрился подставить!

Евнух Ся будто ничего не замечал и продолжал расспросы:

— Князь также велел узнать у молодого господина, как ему спалось прошлым вечером? Не желает ли он остаться еще на одну ночь?

«Остаться?! Да черта с два!»

Е Мянью сжав зубы процедил:

— Спалось прекрасно. Больше не смею вас стеснять. Будьте добры, Старый евнух, передайте князю мою благодарность за его радушие. В будущем я обязательно верну долг сполна!

Услышав это, Евнух Ся рассмеялся:

— Наш князь воистину зрит в корень. Он велел мне передать вам еще один совет: будь он на вашем месте, сегодня точно не стал бы возвращаться домой.

Е Мянью закатил глаза. Не возвращаться? И что делать — остаться здесь и снова всю ночь бегать наперегонки с призраками?

Быстро одевшись, Е Мянью поспешил к выходу, но Евнух Ся тут же преградил ему путь:

— Молодой господин Е, вам следует сначала отобедать и принять лекарство.

Е Мянью сгорал от нетерпения. Е Цзин с самого утра приехал к Императорской академии Гоцзысюэ, чтобы забрать его, но Чжуан Сюй перехватил весть и запретил слугам рассказывать об этом. Сегодня не выходной в Судебном приказе Далисы, значит, старшему брату пришлось отпрашиваться у начальства. А ведь не далее как на днях невестка жаловалась, что брат так занят, что спит всего по четыре часа в сутки!

Где уж тут рассиживаться за обедом! Взглянув на пиалу с лекарством, которую старик заботливо остудил, Е Мянью схватил её и в несколько глотков осушил до дна. От невыносимой горечи его едва не вывернуло наизнанку, лицо исказилось в гримасе. Он вытер рот шелковым платком со стола и стремительно вышел.

Евнух Ся и слуги застыли в ошеломлении, опомнившись лишь тогда, когда юноша уже скрылся за дверью.

Покинув двор Князя Жуннань, Е Мянью бегом устремился к выходу из Императорской академии Гоцзысюэ. По пути он натолкнулся на совершавшего обход инспектора дисциплинарной палаты. Тот в гневе тут же сделал отметку в свитке нарушений, чтобы передать в Павильон Синсы: «Беготня, прыжки и неподобающее поведение в стенах Императорской академии Гоцзысюэ! Полное отсутствие манер!»

Запыхавшийся Е Мянью у ворот Цзисянь сразу заметил экипаж из поместья Е. Немного переведя дух, он направился к повозке. Завидев его, слуга Фэнцзинь поспешно спрыгнул с передка и принялся отчаянно делать ему знаки, словно показывая, что ему сейчас перережут горло.

Е Мянью взглянул на испуганное лицо Фэнцзиня. За последние полгода они научились понимать друг друга без слов, и сейчас Е Мянью ясно осознал: он крупно попал.

«Мама, спаси!»

Е Мянью сидел в экипаже смирно, выпрямив спину как струну, но от любопытства не мог удержаться и то и дело скашивал глаза на человека, устроившегося рядом с его братом.

Видимо, взгляд Е Мянью был слишком уж пристальным. Мужчина негромко рассмеялся и потянул Е Цзина за рукав:

— Твой младший брат куда забавнее тебя.

Е Мянью мысленно выдохнул: «Мужчина».

Хотя это действительно был мужчина, лицо у него было необычайно красивым, пусть и слишком изнеженным. Во взгляде его лисьих глаз при каждом взмахе ресниц сквозило кокетство. Е Мянью грешным делом подумал, не прихватил ли его праведный брат с собой

переодетую в мужское платье девицу для увеселений.

Е Цзин даже не взглянул на Е Мяня, лишь кивнул своему спутнику:

— Осмотри его сначала.

Шэнь Мутан с тихим смешком кивнул, достал платок, вытер пальцы и потянулся к подбородку Е Мяня.

— Четвертый молодой господин Е, прошу прощения за дерзость. Откройте рот.

Е Мянй покосился на брата. Убедившись, что Е Цзин по-прежнему не смотрит в его сторону, он послушно приоткрыл рот. Пальцы Шэнь Мутана, сжимавшие его подбородок, слегка напряглись. Мужчина долго рассматривал его зев, а затем тщательно прощупал пульс на запястье.

— Ну как? — спросил Е Цзин.

— Все в порядке, — ответил Шэнь Мутан, коснувшись тыльной стороной ладони лба Е Мянй, и с улыбкой добавил: — Похоже, им занимались личные лекари из резиденции старшей принцессы. Все они — опытные придворные медики, служившие еще покойному императору. Мои скромные навыки по сравнению с их мастерством — лишь капля в море.

Е Цзин едва заметно кивнул.

— По возвращении в поместье пусть его рацион будет легким и укрепляющим. И накажи слугам в его комнатах следить в оба глаза, чтобы он вовремя одевался и укрывался по ночам.

Так наставлял Шэнь Мутан, старательно вытирая руки платком.

Е Цзин молчал. Е Мянй прекрасно видел, что брат не в духе, и сам не смел подать голоса. В экипаже воцарилась тишина, нарушаемая лишь цокотом копыт снаружи и редкими щелчками бича кучера.

Шэнь Мутан усмехнулся и, положив ладонь на руку Е Цзина, поинтересовался:

— Ну чего ты хмуришься? Парень ведь цел и невредим...

— Ничего, — безучастным тоном оборвал его Е Цзин, стряхивая его ладонь со своего рукава. — Сзади идет повозка моего брата. Пересядь в нее, я велю отвезти тебя обратно во дворец.

Шэнь Мутан опешил:

— Я ведь поменялся сменами перед уходом, сегодня мне не нужно дежурить.

— Тогда пускай отвезут тебя домой.

— Старший молодой господин Е! — возмутился Шэнь Мутан, едва ли не скрежеща зубами. — Даже если ты привык использовать людей и выбрасывать за ненадобностью, не стоит делать это так быстро!

Е Цзин поднял на него взгляд, в котором отчетливо читалась холодная суровость.

Шэнь Мутан невольно отпрянул назад и со вздохом сдался:

— Ладно, ладно, ухожу.

Перед тем как выйти, он наклонился к самому уху Е Мяня и прошептал:

— Младший брат, когда вырастешь, не вздумай брать пример со своего брата. Если уж захочешь кому-то досадить, выбирай подлецов, льстецов да злодеев, а нас, честных людей, пощади!

Е Мянь удивленно распахнул свои миндалевидные глаза и, не дожидаясь, пока Шэнь Мутан покинет экипаж, угодливо обратился к Е Цзину:

— Брат, а он о тебе гадости говорит.

Шэнь Мутан замер на полпути. Он как раз отвязал от пояса великолепную темно-зеленую нефритовую подвеску — подарок для первой встречи, который явно стоил немалых денег, — но теперь демонстративно прикрепил ее обратно.

Спускаясь на землю, он сердито фыркнул:

— Действительно, два сапога пара. Говорят, на каждого злодея найдется свой мучитель. Вот и вы, братья, изводите друг друга на здоровье.

Как только Шэнь Мутан ушел, Е Мянь, до этого сидевший тихо словно мышь под веником, робко взглянул на Е Цзина. Брат сидел с закрытыми глазами, насупив брови и устало массируя пальцами виски. Выглядел он совершенно измотанным. В груди Е Мяня шевельнулось чувство вины. Глубоко вздохнув, он пересел поближе, обнял брата за руку и заискивающе позвал:

— Брат...

Е Цзин открыл его глаза и посмотрел на него. Его лоб все еще оставался нахмуренным, а во взгляде не было и следа прежней теплоты. От этого сурового вида Е Мянь мгновенно позабыл все оправдания, которые так тщательно сочинял по дороге.

Опустив голову, Е Мянь уныло стоял на коленях в кабинете Е Цзина. Прошел уже целый час, а ему не дали сделать ни глотка воды. Слуги, разносившие чай в кабинете, сгруппировались в углу и тихонько посмеивались над ним. Е Мянь сердито зыркал на них, но те даже не думали бояться, отчего у него с досады разболелся живот.

Сразу по возвращении в поместье его привели в Павильон Бихуа. Прежде, стоило ему натворить дел, брат тут же забирал его к себе, чтобы уберечь от гнева Заместителя министра Е. Е Мянь поначалу даже выдохнул с облегчением, решив, что брат и на этот раз его защитит.

Но кто же знал, что, едва они окажутся в Павильоне Бихуа, брат самолично затащит его в кабинет и заставит стоять на коленях!

Е Мянь безумно хотел есть и пить, колени нещадно ныли, а обида росла с каждой минутой. С тех пор как он очутился в этом проклятом мире, он стоял на коленях едва ли не чаще, чем на ногах. На суставах скоро мозоли появятся!

Да и вообще, разве он совершил какое-то жуткое преступление? Почему нельзя просто сесть и спокойно все обсудить? Чуть что — сразу телесные наказания! Чертов феодальный гнет!

Когда Е Цзин вошел в комнату, Е Мянь стоял на коленях, надув губы и тихо злясь на весь

белый свет.

— Судя по всему, раскаянием здесь и не пахнет, — произнес Е Цзин.

Е Мянью вздрогнул и торопливо выпрямил спину.

— Брат, я осознал свою вину!

Е Цзин обошел массивный письменный стол из наньму, сел в кресло, сделал глоток чая и лишь тогда холодно бросил:

— Говори.

— Я не должен был сбегать с занятий к озеру и тем более прыгать в воду. И мне не следовало скрывать это вчера, когда я вернулся домой. Я разболелся и заставил отца, матушку и тебя, старший брат, волноваться.

<http://bllate.org/book/18289/1753850>